

9. Балушок В.Г. Обряди ініціації українців та давніх слов'ян / Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України. – Львів; Нью-Йорк: Вид-во М.П.Коць, 1998. – 216 с.

10. Савицька Л. Мова і стаття // Критика. – 2003. – Червень.

11. Берн Е. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – Минск: Прамеб, 1992. – 384 с.

12. Забужко О. Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій. – К.: Факт, 2007. – 640 с.; іл. – (Серія "Висока поліція".)

13. Ситніченко Л.А. Комунікативно-діалогічна концепція ідентичності в контексті сучасних філософських дискусій // Філософський альманах: Публікації Інституту філософії імені Г.С.Сковороди НАН України. Мультиверсум. – К.: Центр духовної культури. – 2005. – №48. – Режим доступу: http://www.filosof.com.ua/Jornel/M_48/Sitnychenko.htm.

14. Верещак Я. Слав. Ко-Ко. Душа моя зі шрамом на коліні: Сучасна казка // Страйк ілюзій: Антологія сучасної української драматургії / Авт. проекту та упорядн. Н.Мірошніченко. – К.: Видавництво Соломії Павличко "Основи", 2004. – С. 97–137.

15. Бондарєва О.Є. Міф і драма у новітньому літературному контексті: поновлення структурного зв'язку через жанрове моделювання: Монографія. – К.: Четверта хвиля, 2006. – 512 с.

А.И.Николаенко

Мушка

(Нестор Кукольник и А.И. фон Фризен)

Мушкой Нестор Васильевич называл свою жену, Амалию Ивановну. Почему именно так, а не иначе, сказать не могу... Правда, в отдельных воспоминаниях современников, хорошо знавших Н.Кукольника уже после женитьбы, упоминается не "Мушка", а "Мумочка". Но дошедшие до нас письма самого Н.Кукольника однозначно говорят только о "Мушке".

Вообще-то, Кукольник любил разные шуточные прозвища. Племянников своих, Илью и Платона в письмах он называет Лоля и Тоша. Его самого друга, например, называли, "Епископ" и даже "Клюкольник". Жена его называла на немецкий манер "Несторхен".

Что мы знаем о жене Н.Кукольника? Пожалуй, будет справедливо, если мы скажем, что ничего. Правда, какая-то информация все же до нас дошла. Прежде всего, ясно, что она немка по национальности [1]. В завещании ее упоминаются родственники из Кенигсберга. Среди этих родственников упоминается и... внука [2]. Объяснить этот факт мы пока не

смогли, так как в Таганроге считалось, что Н.Кукольник у нее был первым мужем.

Есть сведения, что она из Выборга. В Таганроге, как вспоминает таганрогский историк П.Филевский, все ее считали финкой [3]. Но фамилия ее была немецкой – фон Фризен. Приставка фон означает, что она была знатного, но обедневшего рода. И не более того. Найти какие-либо сведения о ее генеалогическом древе мне не удалось, хотя, кроме Фризен, в ее предках якобы был и род с фамилией Пиппер. Это следует из ее завещания, где указана племянница Анна-Шарлота Винь, девичья фамилия Пиппер. Эту же фамилию упоминает и Филевский. Говоря об Амалии Ивановне, он пишет: "Она женщина, безусловно, добрая, помогала своему неудачному племяннику, жившему при ней, Пипперу, любил детей" [4].

Судя по косвенным данным, которые удалось разыскать, детство ее было нелегким. Она все время уделяла внимание детям-сиротам, ухаживала за дочерью ее подруги, жены скрипача Доплер, оставшейся без отца, да и завещание, копия которого у меня есть, свидетельствует об этом. Имение свое и деньги она завещала Войску Донскому "для устройства детям приюта имени "Нестора Васильевича Кукольника" для практического обучения сирот как казачьего, так и не казачьего сословия Войска Донского – огородничеству, садоводству и лесоводству" [5].

Поэтому некоторые представления о детстве Амалии Ивановны по этим косвенным сведениям составить можно. Рано осиротела, жила в трудных условиях, которые ей, тем не менее, привили любовь к труду, особенно к сельскому хозяйству.

О дальнейшем в жизни Амалии Ивановны некоторое представление дает упоминание о ней в воспоминаниях А.Инсарского. Вот что он пишет: "Когда я был деятельным членом общества посещения бедных, я, при содействии графа Соллогуба, учредил магазин, куда бедные могли всегда сбывать свои произведения и где бедные с другой стороны могли приобретать недорогие вещи. Для правления этим магазином требовалась женщина, знающая рукодельную часть, и мы определили на эту должность одну госпожу Доплер, тоже старую грешницу, большую приятельницу Амалии Ивановны. Доплер была за многими мужьями, между прочим, попала как-то за известного скрипача Доплера, который, однако, не оценил супружеского счастья, скрылся куда-то и пропал без вести. Сам Доплер пользовался поддержкой известного покровителя всех музыкантов и певцов, графа М.Ю.Виельгорского, к нему же стала ходить брошенная Доплером жена. Граф Виельгорский сбыв её своему зятю

графу Соллогубу, а тот мне, и она определена была начальником магазина. При бесперерывных с ней сношениях я узнал и Амалию Ивановну"[6].

Был ли брак Амалии Ивановны с Н.Кукольниковым первым, не знаем. Известно, однако, что после смерти Н.Кукольника она вышла замуж за П.И. Работина. И в ее завещании определенно сказано, что по "первому мужу" она все же была Кукольник. Это же значит и на могильной плите. Плита подписана ее вторым именем София, но не Амалия.

До замужества (а точнее, до знакомства с Н.Кукольниковым) она, судя по отдельным воспоминаниям, вела свободный образ жизни. Об этом имеются свидетельства современников, где ее прямо величают "старая грешница" [7], хотя М.Глинка в своих воспоминаниях о ней отзывается с теплом и даже советуется с ней по литературным вопросам.

Где, как и при каких обстоятельствах произошло знакомство Нестора Васильевича и Амалии-Софии Ивановны, нам установить пока не удалось. Возможно, у графа М.Вильегорского или В.Соллогуба, с которыми часто общался Н.Кукольник. М.Вильегорский, а еще больше В.Соллогуб, поддерживали жену скрипача Доплер Августу Карловну (1813–1894). А достоверно известно, что эта мадам Доплер была самой близкой подругой Амалии Ивановны. И эта их дружба продолжалась всю жизнь. Имя Августы Карловны часто встречается в письмах Н.Кукольника. Уже после женитьбы Н.Кукольник помогал детям этой самой мадам Доплер, а дочь ее, Мария Антоновна, позднее стала женой одного из племянников Н.Кукольника [8]. В Пушкинском музее хранятся портрет (копия Брюлловского) и бюст Кукольника, которые были переданы туда сыном Марии Антоновны.

Как бы там ни было, я глубоко убежден, что Н.В.Кукольник и Амалия Ивановна в 1837–38 годах были хорошо знакомы. Н.Кукольнику было 27 лет, Амалии Ивановне – 22 года. Хотя известно, что в это время Н.Кукольник знакомится с особами женского пола весьма неохотно, а вот тут знакомство и последующее сближение произошли. Почему мы называем 1837–1838 годы? Только по одной причине. Именно в этот период Н.Кукольник с братом поселяется в доме Мерца на Фонарном переулке. Здесь и проходили встречи "братии". Один из членов "братии" – А.Струговщиков, описывая эти встречи, вспоминал, что Амалия Ивановна в ходе этих встреч "показывалась по хозяйству" [9]. Подобные сведения мы находим и в воспоминаниях И.Арсеньева, где описывается одна из встреч Н.Кукольника, М.Глинки и К.Брюллова в день именин Н.Кукольника [10].

Видимо, эта молодая женщина была не только "хорошей, рачительной хозяйкой". Можно говорить о ее наблюдательности, волевом характере. И когда М.Глинка начал работать над своими воспоминаниями, он даже посчитал нужным читать Амалии Ивановне свои записи о встречах "братии", а она делала замечания. Об этом сам М.Глинка пишет в 1854 году Н.Кукольнику. А записи, которые он читал Амалии Ивановне, относятся именно к периоду 1837–38 годов [11].

Это был сложный период в жизни Н.Кукольника. С одной стороны, на 1834 год приходится душевная драма неудачной любви Н.Кукольника и Екатерины Тимофеевны Фан-дер-Флит. В этот же период Н.Кукольник знакомится с Машенькой Толстой, дочерью вице-президента Академии художеств. Это знакомство переходит во взаимную любовь, и прекращается именно в этот период по инициативе Н.Кукольника, который прямо дает ей понять о своих обязанностях перед третьим лицом. С другой стороны, 1834 год приносит Н.Кукольнику триумф. Драма "Рука Всевышнего отечество после" получает высочайшее одобрение. Н.Кукольник в это время купается в славе. "О личности его, – вспоминает В.Инсарский, – ходили самые разнообразные слухи и всегда с примесью чего-нибудь поэтического. Говорили, что он красавец собой, что многие женщины и девы влюблялись в него, и что он был героем самых романтических приключений".

Как бы там ни было, на портрете Н.Кукольника, который сегодня хранится в Третьяковской галерее, на правой руке отчетливо видно обручальное кольцо. Мы делаем такое предположение, потому что Н.Кукольник был христианин, его крестным отцом был сам Александр I. Портрет датируется 1837 годом. Вот на это время и приходится сближение Н.Кукольника с Амалией Ивановной. Повторим, что в дошедших до нас воспоминаниях, где она упоминается, говорится о ней в негативном плане, в том числе и о внешности. О "старой грешнице" мы уже писали. Добавим, что встречаются и такие характеристики, как "камелия плохого сорта", "толстая и размалеванная", "белая от пудры и белокурая от Выборга" [12]. Но, похоже, что уже в это время Кукольник состоял в гражданском браке с Амалией Ивановной.

Видимо, Нестор Васильевич действительно был покорен своей гражданской женой. А к разного рода слухам, разговорам и домыслам он относился философски. В гражданском браке с Амалией Ивановной он находился длительное время (почти 7 лет). Его почему-то все упорно именуют "сожителем" в отличие от внебрачных отношениях Некрасова с А.Панаевой, которая "сожительствовала" с ним при живом муже.

В конце концов, все "сожитительство" закончилось в июле 1843 года венчанием. Венчание проходило в Парголово. "Без особой церемонии, без гостей, в предобеденное время", – вспоминал А.Струговщиков, который был при этом посаженным отцом. Кстати, надо заметить, что друзья, в частности, тот же А.Струговщиков, отоваривали Н.Кукольника от этого брака, но, видимо, браки действительно все-таки свершаются на небесах [13].

Есть рисунок А.Н.Степанова, изображающий Н.Кукольника с "братией". Фотокопию его мне любезно предоставила Третьяковская галерея. Рисунок датирован 1838 годом. В центре – Н.Кукольник протягивает цветы женщине.

Кому мог протягивать цветы Н.Кукольник во время сбора "братии"? Женщины там не присутствовали, но "хозяйка дома" все же была. Не ей ли преподносятся цветы? Но тогда это реальный человек. Это, сделано, правда, в шаржированном виде, но все же это и есть дошедшее до нас изображение Амалии Ивановны [14].

Жизнь с Кукольником не была медом. В Русском музее хранится рисунок Жуковского, на котором изображены Нестор Кукольник и Амалия Ивановна. Относится он к тому времени, когда Кукольником издавался журнал "Иллюстрация". Датируется рисунок 1847 годом. Кукольник, видимо, только что закончил подводить итоги за год, полученные от издания "Иллюстрации". В руках у Кукольника книга для записей. Слева записаны фамилии, справа – итоговая запись. Из нее следует: "Итого, убытку по "Иллюстрации" получено 6.969 руб. сер.

Сидящая слева от Кукольника Амалия Ивановна, положив ему руку на плечо, говорит ему: "Несторхен! Брось "Иллюстрацию" и отдай Башуцкому" [15].

Так и случилось. В 1847 году Кукольник продал "Иллюстрацию" и одним из покупателей её был Башуцкий.

М.Глинка в письме от 23 июня 1856 года подчеркивал это: "По словам Амалии Ивановны, литература совсем не кормит (что в России, покамест, почти не подлежит сомнению)". Да и в письмах Н.Кукольника [16], относящихся к 1853–1856 годам, имеются об этом неоднократные упоминания. Не меняется положение и после переезда в Таганрог.

В 1862 году он пишет племяннику в Петербург: *"Деньги должны придти в Таганрог почти одновременно с моим приездом – иначе беда. Просто беда"* [17].

Когда, начиная с 1845 года, Н.Кукольник выезжает в длительные командировки в Область Войска Донского, Амалия Ивановна была практически постоянно с ним, переносила тяготы дорожной жизни. Живут они в

Новочеркасске, контактируют с местными представителями элиты, но, к сожалению, круг общения их пока мною так и не установлен. Детей у них нет. Все внимание они уделяют детям мадам Доплер да племянникам Кукольника.

После перехода в Таганрог жизнь еще больше усложняется. Можно утверждать, что местному обществу Кукольник пришелся не ко двору. Об этом он пишет сам в одном из своих прошений, когда подчеркивает: "...Я лишен права таганрогского гражданина, с чем ни я, ни сограждане не согласны. Защитите, оградите от такого грустного и вредного произвола" [18]. На службу он не может устроиться и исполняет обязанности комиссариатского (провиантного) чиновника. Должность второстепенная для действительного статского советника. Литература тоже не дает никаких заработков. Приходится даже периодически наезжать в Петербург и подрабатывать, устраиваясь на службу в почтовое ведомство.

До нас не дошло изображение Амалии Ивановны таганрогского периода жизни. Более того, изучая ее письма, относящиеся к этому периоду, можно сделать вывод, что русский язык Амалия Ивановна знала плохо и была по сути дела неграмотной. Нашлось ее письмо, которое снабжено ее личной припиской: "Любезный Лоля! Вот что значит Москва. От скуки выучилась читать и писать по-русски вместе с Нестором и первому пишу к вам, и прошу с первою почтою меня уведомить: готов ли мой бурнус или нет. Если нет, то я себе закажу здесь другой, потому что мы скоро едем. Каково в первый раз? Желаю Вам и Теше всего лучшего. Ваша Амалия". Письмо датировано 13 марта 1850 года [19].

Уже после смерти мужа Амалии Ивановне приходилось писать письма. Сохранилось девять ее писем: одно А.С.Фаминцыну (1841–1896), музыкальному критику и композитору и восемь к П.М.Третьякову. Из восьми писем к Третьякову только три написаны рукой Амалии Ивановны и подписаны ею. Остальные, как показал почерковедческий анализ, писаны каким-то третьим лицом (предположительно братом второго мужа), которое и подписывалось за нее [20].

С Амалией Ивановной Кукольник после венчания прожил 25 лет. У потомков Кукольника сохранилось его стихотворение, написанное в 1857 году и посвященное дню рождения Амалии Ивановны.

Я поздравляю, друг мой нежный,
Со днем рожденья твоего!
То праздник счастья безмятежный,
То день блаженства моего.
И я с тобой переродился,

С тобой – я жизнь уразумел,
Душой и телом обновился,
На старость вновь помолодел.
И наша жизнь, теперь, как лето, –
В прекрасном климате идет:
Любовью зрелую согрето,
Разумной дружбою цветет.
И пусть себе приходит осень,
Пускай зима откроет дверь,
И лишь о том у Бога просим:
Пусть будет так, как есть теперь [21].

День рождения у Амалии Ивановны приходился на август месяц. В 1957 году они с Кукольниковом совершали вояж по различным курортным местам. В 1958 году они переезжают на постоянное место жительства в Таганрог. На нее здесь оформлен земельный участок, находящийся на углу Варвациевского переулка и Петровской улицы (Петровская, 74). Но, похоже, не все сложилось так, как просил Кукольник в том стихотворении: "Пусть будет так, как есть теперь". Не все так получается, как было в 1857 году. Не все было в Таганроге, как хотелось. О разного рода неурядицах мы находим сведения во всевозможных публикациях, упоминающих его таганрогский период. Это и отсутствие работы для него, и непризнание им покупки дачного участка в районе "Дубков", и неприязнь таганрогского высшего света (М.Варваца, А.Алфераки, Д.Бенардаки, М.Лавров), и неудачи в общественной деятельности.

В декабре 1868 году Н.Кукольник внезапно умирает. Умирает в день своего рождения. Смерть эта вызывает много разных толков, по видимому, не без оснований. Но кому "уступает нежно любимую жену" Кукольник – не ясно [22]. И кто помог ему "покончить естественной жизнью", так до сих пор и не известно. Старожилы, ссылаясь на воспоминания очевидцев, говорят что перед сборами в театр Нестор Васильевич выпил бокал шампанского. Слышали это от слуги Кукольника.

Завещания Н.Кукольник не оставил, и вопрос этот решался на общем собрании родственников

В завещании Амалии Ивановны дается распоряжение только о недвижимом имуществе. Авторское право они передали по общему согласию племяннику А.И.Пузыревскому [23]. Здесь же даны распоряжения насчет слуг. "Служащему Иосифу Корнеевичу Кононенко, – пишет в завещании Амалия Ивановна, – предоставляю право, если он пожелает,

жить на хуторе моем бесплатно и в обязанности его вменяется присмотр за могилами" [24].

Но странно выглядит пункт завещания, где сказано: "Борису Чеснокову отказываю от выдачи ему 200 рублей". Борис Чесноков – это кучер Амалии Ивановны, который отказался везти второго мужа Амалии Ивановны на лечение в Петербург. Почему отказался, один Господь Бог знает. Может потому, что связывал с ним факт отравления Н.Кукольника?

Во второй половине 1870 года Амалия Ивановна выходит замуж за "друга семьи" Пантелея Работина. Правда, как вспоминает позднее П.Филевский, брак этот не сложился, и Амалия Ивановна "вскоре с ним (вторым мужем – А.Н.) разошлась" и жила отдельно в своем доме. В это же время вместе с ней жил брат второго мужа, Константин Работин. Об этом имеется ее собственноручное письмо.

Здесь много непонятного и странного. Но как бы там ни было, она хоронила своего второго официального мужа, возила перед этим его на лечение в Петербург, отметила в своем завещании.

Последние годы жизни Амалия Ивановна посвятила всецело увековечиванию памяти своего первого мужа. Все, что у нее есть, вкладывается именно в это. Такое желание, судя по доступным мне письмам самой Амалии Ивановны, появилось у нее сразу после вступления во второй брак. "У меня появилось неотразимое желание сделать распоряжение своего имущества после моей смерти", – пишет она П.Третьякову. Письмо датировано 16 декабря 1869 года [25].

С таганрогским обществом по-прежнему натянутые отношения. Свою последнюю волю она высказывает в пользу Области Войска Донского, а свидетелями при этом выступают казаки, в том числе и из Новочеркасска.

Всеми своими действиями, начиная примерно с 1871 года, Амалия Ивановна как бы подтвердила древнюю истину, согласно которой всякая жизнь – это прежде всего святилище любви и скорби. У нее – скорее скорби.

Похоронить себя она завещала в имении, вместе с первым мужем.

В 1853 году, на дружеской сходке видных литераторов того времени (Некрасов, Тургенев, Дружинин, Боткин, Лонгинов и др.) читалась баллада "Брак поэта". Автор ее – М.Н.Лонгинов. В развязном тоне автор описывает женитьбу Н.Кукольника на Амалии Ивановне, снабжая ее различными подробностями порнографического характера. Слушатели, среди которых были Тургенев и Некрасов, аплодировали. Нет смысла подробно пере-

сказывать содержание поэмы [26]. Приведем только запись А.Никитенко, сделанную им в "Дневнике":

Декабрь 14 <1854>. Обедал у <И.И.> Панаева и не скажу, что остался доволен проведенным там временем. Там были <М.Н.> Лонгинов, автор замечательных по форме, но отвратительных по цинизму стихотворений, <В.А.> Дружинин, <Н.А.> Некрасов, Гаевский Виктор Павлович и т.д. После обеда завели самые скромные разговоры и читали некоторые из "Парголовских элегий" во вкусе Баркова. Авторы их превзошли себя по цинизму образов в прекрасных стихах. Вот где теперь надо искать русскую поэзию! Неужели это весело, господа?" [27].

В балладе утверждается, что жену свою Н.Кукольник взял из публичного дома. Содержательницей публичного дома выступает некая Жаннета Кондратьевна. Но предоставим слово автору публикации, доктору филологических наук А.М.Ранчину:

"В балладе изображен своеобразный антиобряд, гнусный шабаш литературной нечисти. Похабное венчание, совершаемое в присутствии болгаринской тли и при благословении самого Фаддея, – удачно найденный гротескный образ: на самом деле по воспоминаниям А.Н.Струговщикова, "Н.Кукольник был обвенчан без особой церемонии, без гостей, в предобеденное время" [28].

Какие основания у Лонгинова были для написания баллады? А.Ранчин указывает, что в Пушкинском доме хранится "Тетрадь Лонгинова" [29]. Здесь сохранилась такая запись: "Кукольник бросил свои литературные бредни для службы в сороковых годах, а потом женил-вести. Перевод был сделан в Германии. Смог её перевести проф. Г.Брендер (Германия). Приводим перевод:

"Так как я боялся, что ты, после твоего первого письма, которое я получил от тебя из Кенигсберга, <так и не получил моего послания>. Возможно, ты менял свои местожительства (*неразборчиво*). Поэтому я это предпочел <написать сам еще раз >тебе, что деньги тебе за июль я передам через Ефросинью (*неразборчиво*), причем для пересылки к Вам я к тем же 15 <рублям> добавлю еще 5, скорее Жаннете.

Те 20 за июнь, которые я вам прислал через Ефросинью, <мне неизвестно, где они >. Получил ли ты (*неразборчиво*)?"

Письмо можно датировать не позже 1861 года. Пишет мужчина, похоже, Н.Кукольник, но почерк не его. В письме упоминается кто-то, кому Кукольник пересылает деньги, а также упоминаются женские имена: Ефросинья и Жаннета".

Та ли это Жаннета, о которой сделана запись в тетради Н.Лонгинова? По-видимому, та. А то, что в 1858 году контактов у них с Кукольниковом не было (на что она, якобы, жалуется Лонгинову), так их и быть не могло. В период с 1847 года Кукольник почти постоянно проводил в командировках в Области Войска Донского, а Амалия Ивановна сопровождала его.

Я уже говорил, что в воспоминаниях Инсарского упоминается еще подруга Амалии Ивановны, мадам Доплер. В 1998 году, при посещении Петербурга, я познакомился с семьей потомков Кукольника, и даже побывал у них в гостях. Они мне показывали разные фотографии и документы, которые хранились у них в семье. Среди прочих документов мне были показаны письма, которые хранила их бабушка Мария Антоновна. Письма писала ее мама Августа Карловна Ян, они были адресованы её жениху, композитору Доплеру. И когда мне позволили их детально посмотреть, то я понял, что они написаны тем же почерком, что и найденное мною письмо в ГАРО. Значит, и письмо неизвестному родственнику, который жил в Кенигсберге, написано этой рукой, возможно, под диктовку Н.Кукольника.

О мадам Доплер никаких сведений мне разыскать не удалось. Но, судя по тому, что подруга Амалии Ивановны, мадам Доплер, в письме, которое написано, по-видимому, от Н.Кукольника, называет Ефросинью и Жаннету, она её хорошо знала. Нестор Васильевич даже передавал ей какие-то деньги. Не как долги за услуги, на которые намекает Лонгинов, а просто деньги, чтобы она переслала в Кенигсберг к родственникам Амалии Ивановны и передала их какому-то молодому человеку, проживавшему здесь.

Удалось установить о каких, предположительно, деньгах идет речь. Дело в том, что в семье Кукольника воспитывался какой-то племянник, который назывался Васей. Как, почему и зачем они его содержали, сказать не могу, а высказывать различные догадки здесь не место. Но он был. Это реальный человек, письма Кукольника к нему хранятся в Пушкинском доме. Жил он в семье Платона Пузыревского и в Кенигсберге, у племянницы Амалии. Вот на содержание этого племянника Кукольник и посылал деньги [33].

Поэтому можно утверждать, что обычные бытовые вопросы семейство Кукольника еще до переезда в Таганрог решало (передавало, посылало) через Жаннету. Если бы речь шла о содержательнице публичного дома, то, скорее всего, Кукольник бы не воспользовался ее услугами. Возможно, Жаннета – хорошая знакомая, а может, и род-

ственница мадам Доплер и Амалии Ивановны. Поэтому анекдот о Жаннете как содержательнице публичного дома и сводне Кукольника и о занятиях служившей у неё Амалии – это просто-напросто слух, сплетня, записанная Лонгиновым и сохранившаяся в Пушкинском доме.

Зачем надо было опубликовать всю балладу, не скажу. Ранчин объясняет, что сделал это по одной причине – желая возродить романтическую традицию, которая в наше время оттеснена на периферию. "Вытесненная на литературную периферию романтическая традиция и не допущенное в приличную словесность неприличие, – утверждает Ранчин в своей статье, – нашли друг друга. Так мат и похабщина приобщились к литературе" [34].

Но все-таки та некоторая свобода в поведении, которую ставили в вину Амалии Ивановне писатели и М.Лонгинов и благодарные слушатели его баллады, в конце жизни Кукольника привела к неожиданному результату. Вспоминает В.Пеликан, внук ректора Виленского университета:

"В 1868 году Кукольник привез <в Петербург> другую пьесу – заглавия теперь не помню. Она навеяла на всех грусть, но в ней отразились события последних лет личной жизни автора. Главное действующее лицо в этой пьесе, ликвидировав все, что связывало его с жизнью, **уступает нежно любимую им жену из благодарности** за доставленное в прошлом счастье человеку, который её полюбил, и сам выражает непреклонную волю покончить естественной смертью свое существование в избранный для того день и час. Воля его исполняется" [35].

Что это означает? И как понять выделенные мною слова: **"уступает нежно любимую им жену из благодарности"**? Появился ли в Таганроге у Амалии Ивановны любовник? Автор воспоминаний не дает никакого толкования (разъяснения) своим словам, и все осталось загадкой. В то же время судьба самой Амалии Ивановны после смерти Н.Кукольника сложилась весьма своеобразно. Таганрогский историк П.Филевский вспоминал:

"Жена его (Н.Кукольника. – А.Н) вторично вышла замуж за доктора П.И.Работина, но скоро с ним разошлась и жила отдельно в своем доме". И все. Надо ли понимать, что этот второй брак Амалии Ивановны, которой к этому моменту было 56 лет, означал выполнение воли покойного первого мужа, сказать трудно, тем более что фактически брак этот продолжался несколько месяцев. И какую услугу оказал П.Работин Н.Кукольнику – сказать невозможно. Ясно только одно, что второго мужа в 1886 году она возила в Петербург на лечение, а в своем завещании упомянула его вместе с другими родственниками.

Литература

1. И.Кубасов. Комментарий к "Зеленой книжечке" Н.Кукольника // Русская Старина. – 1901. – Март. – С. 687–693. Комментируя, И.Кубасов делает сноску: "Женою самого Кукольника была немка".
2. Завещание А.Работиной // ГАРО, ф. 577, оп. 1, д. 325. л. 22–24.
3. Филевский П.П. Из биографии Нестора Кукольника // Спянка Часу. – 2004. – 32. – С. 74.
4. Там же.
5. Завещание А.Работиной. // ГАРО, ф. 577, о. 1, д. 325. л. 22. Здесь бы хотелось подчеркнуть одно обстоятельство. Мария Антоновна Доплер, которая воспитывалась в семье Кукольника, после выхода замуж за Платона Пузыревского, племянника Кукольника, имела сына, известного ученого Нестора Пузыревского, который, имея собственных семерых детей, как бы выполняя неписанный долг, взял к себе на воспитание девочку Зинаиду. Зинаида выросла и приняла его фамилию и отчество и до последних дней с благодарностью признавала своими родителями Нестора Пузыревского и его жену Ольгу Александровну.
6. Инсарский И.А. Записки // Русская старина. – 1894. – Т. 81, №2. – С. 13–16.
7. Там же. – С. 15.
8. Там же.
9. Струговщиков Н.А. Воспоминания // М.И.Глинка в воспоминаниях современников – М., 1955. – С. 186–198.
10. Арсеньев И.А. Слово живое о мертвых // Исторический Вестник, 1887. – №2. Здесь нужно особо оговорить, что никакого описываемого дня рождения на самом деле не было. Опровержение этих воспоминаний "Как пишут иногда у нас мемуары" написал племянник Кукольника И.Пузыревский, напечатав их в "Новостях" и "Биржевой газете" 1882, март. Но характеристики, данные Амалии Ивановне в воспоминаниях, правдивы.
11. Глинка М.И. – Кукольнику. Письмо от 12 ноября 1854 г. // Глинка М., Литературное наследие. – Т. 2. – С. 501–504.
12. Ковалевский П. Встречи на жизненном пути // Русские мемуары. – М., 1990. – С. 583–584.
13. Струговщиков Н.А. Воспоминания // М.И.Глинка в воспоминаниях современников. – М., 1955. – С. 186–198.
14. Степанов Н. Н.Кукольник с братией, Акварель, Третьяковская галерея, инв. №3231 гТг.
15. Жуковский Р.К. Портрет Н.В.Кукольника и его жены, 1847 // Русский музей. – №Р-2726.
16. Глинка М. – Кукольнику от 5 июля/ 23 июня 1856 г. // Глинка М., Полн. собр. соч. – Т. 2-Б. – С. 137–138.
17. Кукольник – Пузыревскому А. от 24 марта 1862 году // ИРЛИ, ф. 371, ед. хр. 94, л. 25.
18. Кукольник Н. – П.Валуеву от 17 июля 1862 г. // Журнал "Дон", 2000, №7–8. – С. 198–201.
19. Приписка к письму Кукольника Амалии Ивановны // ИРЛИ, ф. 371, д. №94 лист 1.
20. Николаенко А.И. Экспертиза // Таганрогский Вестник.

21. Кукольник Н. "Я поздравляю, друг мой нежный..." // Кукольник Н. Стихотворения. – Таганрог, 1999. – С. 111.
22. Филевский П. Нестор Васильевич Кукольник // Таганрогский сборник №1. – Таганрог, 1909. Здесь автор пишет: "Н.В.Кукольник был человек здоровый, и эта смерть многих поразила, а затем стала вызывать разные толки, едва ли имевшие серьезные основания".
23. Пузыревский И.А. За что и как был выслан в Вятку М.Е.Салтыков // М.Е.-Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М., 1975. – С. 55.
24. Завещание А.Работиной // ГАРО, ф. 577, оп. 1, д. 325, л. 23.
25. Работина А. – П.Третьякову // Николаенко А.И. "Портрет" // Таганрогский вестник. – 1995. – 12 августа. – С. 3.
26. Лонгинов Н.М.Свадьба поэта // Лица: Биографический альманах. – СПб., 1993. – С. 441–451.
27. Никитенко. Дневник: Т. 1–3. – М., 1955–1956. Запись от 14 декабря 1852...
28. Ранчин А.М. Под сению кулис и под кровлю борделя // Лица: Биографический альманах. – СПб., 1993. – С. 389–391.
29. ИРЛИ, Архив Лонгинова 25.085,С1ХУ1 6.1. лист 12 об.
30. Тетрадь Лонгинова, 1858 // ИРЛИ, Архив Лонгинова 25.085,С1ХУ1 6.1. л. 12 об.
31. Тургенев И.С., Некрасов Н.А., Дружинин А.П. Послание к Логинову // Тургенев И.С., ПСС. – Т. 12. – М., 1986. – С. 316–320.
32. Беседа Н.Роставчук с доцентом Московского педагогического университета А.Полеевым Постель – не повод для знакомства // Труд – 7. – 1999. – 27 августа. – С. 10.
33. ГАРО, ф. 581, оп. 1, д. 424, л. 2.
34. ИРЛИ, ф. 371, д. №94. Здесь добавим только, что Василий жил не только в Кенигсберге, но и у Платона Пузыревского. Этот факт отмечен (неоднократно) в письмах Кукольника. После этого Кукольник планировал его устроить в "3-ю реальную гимназию, что на Лубянке" в Москве. Как выяснила московская исследовательница О.Шурыгина, Кукольник Василий жил в Москве. Здесь же в документах 1911 года она разыскала фамилию Н.В.Кукольник, но никаких подробностей об этих лицах пока не удалось установить.
35. Ранчин А.М. Под сению кулис и под кровлю борделя // Лица: Биографический альманах. – СПб., 1993. – С. 389–391.
36. Пеликан А.А. Во второй половине века // Голос минувшего. – 1915. – №1.

А.И.Николаенко

Машенька

(М.Ф.Толстая в жизни Нестора Кукольника)

Н.Кукольник переезжает в Петербург в мае 1831 года. Ему еще придется через год ненадолго вернуться в Вильно как чиновнику при ректоре Вильнюсского университета. Но в августе 1832 года он подает в от-